

18+

Татьяна
Лебедева

Липовый
ВЕТЕР

Татьяна Лебедева

ЛИПОВЫЙ ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57283028

ISBN 9785005124395

Аннотация

Удивительная книга. Рассказы, истории и посты, в которых события вроде и не связаны, но совершенно понятно, что ни одно не существует без другого. Лоскутная, забавная, перышками, и в то же время цельная, философская, ладная и живая, эта книга увлекает, читать хочется дальше и дальше, забывая про сон и обед. Приятный слог, замечательная легкость изложения и невероятное внимание к каждому слову, к каждой букве: перед вами работа мастера. Елизавета Ульянова, редактор

Содержание

Про семью	5
Чешское стекло	5
Зяма	9
Волшебный колодец	11
По крови	29
Про дочь	46
Игра в бисер	46
Про друзей	61
Близнецы	61
Фея Фира	65
Прохудившаяся лейка	79
Человек без шляпы	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Липовый ветер

Татьяна Лебедева

Редактор Елизавета Ульянова

Корректор Анна Абрамова

Иллюстратор Татьяна Бойан

Дизайнер обложки Наталия Ивакина

© Татьяна Лебедева, 2020

© Татьяна Бойан, иллюстрации, 2020

© Наталия Ивакина, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-2439-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про семью

Чешское стекло

Маме

У меня была маленькая кукла, ростом сантиметров в шесть или семь, с настоящими волосами, ее глаза открывались и закрывались, а руки и ноги были сделаны из мягкой резины. Я ею очень гордилась: ни у кого из моих подруг такой не было. Кукла прибыла из Германии, и, когда ее достали из розовой коробки с окошком, она пахла сладким, как цветы или жевательная резинка. К кукле прилагались несколько платьев, две шерстяные кофточки с микропуговицами и пара лаковых туфель с бантиками в горошек.

Куклой я не играла, а просто любовалась ей и сочиняла про нее романтические истории. Отыгрывать настоящие спектакли не получалось из-за того, что единственными подходящими ей по размеру игрушками были лысый пупс с круглыми голубыми глазками и белый медвежонок Умка (как в мультфильме), а они не годились ей в партнеры по сцене. Довольно быстро она обросла разными прекрасными предметами: красным деревянным креслом, красной же тахтой, сделанной из ювелирной коробки, автомоби-

лем «Волга» цвета такси, а еще торшером с настоящими лампочками, который работал от большой батарейки с кислыми гнущимися контактами. Я поселила ее в картонной коробке с прорезанными окошками, занавешенными кружевами. Что и говорить, куклу я сильно любила и называла ее красивыми именами вроде Шарлотты или Элеоноры – в зависимости от роли в очередной истории.

Тогда мне было лет восемь или девять, значит, моему брату – три или четыре. Однажды мы с ним сильно повздорили – мы часто ссорились и даже дрались, всегда по важным причинам, например, кто будет складывать разбросанные игрушки в большую коробку или кто сядет на диван рядом с мамой, когда мы все вместе будем смотреть телевизор. Но та ссора была наиболее памятной, потому что, разъярившись не на шутку, брат пошел на крайние меры: он принес из ящика портняжные ножницы с зелеными рукоятками и отрезал Шарлотте голову.

Наш малыш и раньше совершал страшные поступки, например, прятал мои самые любимые вещи в обувной шкаф или в другие неожиданные места. Однажды он закопал Умку в дворовой песочнице, и его обнаружили только благодаря случайному везению: соседка тетя Лида видела, как брат рыл особенно глубокие тоннели в песке, и сказала об этом маме, а мама пошла в песочницу с совком, откопала Умку и выстирала его до первозданной белизны.

Но в этот раз брат совершил непоправимое, и горю мое-

му не было предела. Зарыдав белугой, я принесла обезглавленную Антуанетту маме, попутно обнаружив, что внутри куклиной головы волосы крепятся узелками и клеем. Это было довольно бесполезное знание, но меня оно слегка успокоило и отвлекло. Еще я надеялась, что мама, осознав глубину проступка брата, сильно его накажет. Может быть, отправит в детский дом, потому что ей не нужен такой сын, ну или на худой конец выпорот, нарушив семейное правило решать все словами. На то, что она может как-то помочь моему горю, я не рассчитывала, но знала, что суровое наказание, ожидающее брата, принесет мне некоторое утешение.

Мама на удивление спокойно отнеслась к жалкому положению Шарлотты, то есть не зарыдала от горя и не стала рвать на себе волосы. Первым делом она пошла посмотреть, не поранился ли брат ножницами, чем очень удивила и расстроила меня: разве это важно? Мама вошла в комнату брата и закрыла за собой дверь. Сколько я ни прислушивалась под дверь, я так и не услышала ни звука рвущейся бомбы, ни грохота извергающегося вулкана, наоборот, мама и брат так долго говорили тихими голосами, что мне стало скучно и я ушла на кухню.

Когда мама, наконец, вышла ко мне, я сидела у стола, а кукла была завернута в батистовый носовой платок и уложена в собственную коробку с окошком. Я приготовилась хоронить ее под кустами, где мы обычно закапывали секретки. Увидев Шарлотту в гробу, мама обняла меня и долго

не отпускала, гладила по голове и плечам и утирала мне слезы. Потом она принесла коробку, в которой хранились иголки и нитки, и пришила Элеонорину голову к шее. Некрасивый шов теперь уродовал куклу, но, по крайней мере, удерживал ее голову на месте. Я продолжала плакать. Мама достала из морозильника неурочное мороженое, положила его в красивую вазочку из сервиза, который обычно доставали только ради гостей, и поставила передо мной. Брат из комнаты так и не выходил. Пока я ела, мама распустила свое ожерелье из чешского стекла. Ожерелье это было неземной красоты: все бусины хрустальные, их грани сияли острыми искрами синего, розового, лимонного и фиолетового цветов. Когда мама надевала его, казалось, что у нее на шее переливается живая фонтанная струя. Украшение состояло из бусин разного размера, мама выбрала самые мелкие, нанизала их на нитку и закрепила на шее Шарлотты. В эту секунду кукла перестала быть просто девочкой, а стала принцессой. Ее шва было не видно под бусами, они светились и отвлекали от изъяна.

В связи с новым Шарлоттиным статусом нам пришлось обновить ей гардероб, мама сшила несколько новых нарядов и отдала ей золотую пудреницу с зеркалом, в котором Шарлотта отражалась в полный рост, гордая и прекрасная, как и положено особе царских кровей.

Зяма

Бабушка жила на четвертом этаже нарядного ярко-белого дома. У бабушки были дедушка и кудрявая собака Фуся с толстым хвостом. Мы редко брали Фусю на море, потому что собак не пускали на городской пляж, а до дикого было гораздо дальше идти; к тому же там не было лежаков, и полотенца приходилось стелить прямо на горячие соленые камни.

В тот день собаку взяли на далекий пляж, и бабушка от нас сильно устала, потому что мы постоянно лезли в воду, забывали надеть панамки и громко кричали. В результате у меня обгорел нос. По дороге домой я грустила, потому что знала, что теперь-то бабушка ни в какую не согласится зайти в «Детский мир», который этим летом открылся в нашем доме. А мне ужасно хотелось туда заскочить: на днях я присмотрела себе милый пластмассовый бидончик с зеленой крышкой. Так и вышло, бабушка прошла мимо стеклянной двери магазина. Она сказала, что пора обедать. Она сказала, что у нее болят ноги и что дедушка уже давно нас ждет. Наконец, она сказала, что у нее совсем нет денег, потому что получку дадут только в четверг. Мне удалось уговорить бабушку, что я все же забегу проверить, что бидончик пока не продан, а они с Фусей подождут на скамейке у клумбы.

В магазине я робко дошла до прилавка с игрушками и сразу увидела его – золотого, с маленькими круглыми ушами

и твердым глянцевым носом. Бидончик был забыт; теперь мне был нужен только он, этот желтый мишка в атласном ошейнике. Он был гораздо дороже глупого бидончика, и мне не стоило и мечтать о нем. Я тихо стояла и смотрела на него, а он – на меня. Потом набралась смелости и спросила продавщицу в синем форменном платье, можно ли мне посмотреть медвежонка. Помедлив, она сняла его с полки и посадила передо мной на прилавок. Я дотронулась до него пальцем и почесала его подбородок. Он был шелковый и мягкий, и от него пахло новой игрушкой. Скоро продавщица спросила: «Ну что, насмотрелась?» – и убрала медвежонка на место. Опомнившись, я быстрым шагом вышла из магазина. Бабушка ждала у входа, она взяла меня за руку и повела в наш подъезд.

После обеда я легла почитать, а дедушку отправили за сметаной для вареников. Я видела, что он взял деньги из очечника, где за красной подкладкой лежала пятерка на черный день.

Вечером того дня мы с дедом гуляли на набережной, ели сахарную вату и смотрели, как катера и лодки трутся боками о причал. А когда мы пришли домой, бабушка вручила мне золотого Зяму. Не понимаю, как она догадалась?

Волшебный колодец

Папе

Первые стихи я сложила на пляже в Хосте, когда мы с бабушкой сидели на теплых камнях и смотрели, как солнце валится за гору, на которой полукругом розовеет санаторий. Придя в тот вечер домой, я нарисовала в альбоме солнце, море и санаторий на горе, а на обороте красным записала стихи. Я удивилась, что это были стихи. Их что, каждый может сочинять, не только Пушкин?

В Хосте жили бабушка, дедушка и бабушкина мама. Прабабушка была очень старой, она не умела читать, но зато знала все на свете, и я многому у нее научилась. Например, она показала мне, как вязать и как умножать на девять на пальцах. Еще она мне рассказала по секрету, как варить бульон, чтоб он был совершенно прозрачный, без хлопьев. Своей дочери (моей бабушке) она этот секрет не открыла, потому что та «не имела интереса к хозяйству и готовить так и не научилась». А мой папа любил именно такой бульон, и я надеялась его удивить, когда приеду домой в Москву. Я немножко сучала по маме и папе, но не так чтобы очень, к тому же они часто звонили по телефону. В основном звонил папа, потому что бабушки и дедушка были папиной родной семьей. Я любила приезжать к ним на море и жить там все лето.

В их квартире было три комнаты. Строго говоря, комнат было две и еще закуток, отгороженный занавеской. Там жила прабабушка Прасковья. Я ее так никогда не называла, для меня она была бабуля. Дед Леня был неродной – это был бабушкин второй муж и не отец моего папы, но это было совсем неважно. Родного деда я в жизни не видела, но знала его в лицо по желтоватой фотографии с фигурным краем, на ней он был похож на грузина, хотя грузином не был.

Дедушка Леня был мой лучший друг, он меня всегда смешил и часто водил гулять, когда возвращался вечером с работы. Наш маршрут, всегда один и тот же, сложился сам собой и отражал наши общие интересы. Мы выходили из дома часов в шесть и шли через двор к деревянному висячему мосту через мелкую речку Хостинку. Если народу на нем было много, то мост заметно качался и слегка скрипел, но это было не страшно, а весело. Толстые скрученные из металла тросы были горячими и пачкали руки черным маслом. Сквозь деревянный настил блестела вода, а на набережной стояли рыбаки с удочками и гуляли нарядные отдыхающие. Отдыхающие – значило не местные, а приехавшие в отпуск на море. Еще были курортники, но так называли не всех, а только жителей санаториев и домов отдыха. Остальные были просто отдыхающие. Местные нам тоже встречались, с ними дед всегда здоровался, иногда словами, а иногда и с рукопожатием; это уж с друзьями или близкими знакомыми. Друзья – это те, с кем он служил в армии во флоте или работал потом

на спасательной станции. Но это все было в молодости, потому что сейчас он был довольно старым и дорабатывал до пенсии в рентгеновском кабинете санатория «Волна». В кармане белого медицинского халата у него лежала черная карточка, которая считала, сколько рентгенов он провел, трогать карточку было нельзя, но иногда я ее доставала двумя пальцами из кармана халата и смотрела на свет. Она была непрозрачная, а потому не очень интересная.

Сразу после висячего моста начиналась главная улица. Справа тянулся ряд киосков, в которых продавали сувениры для приезжих: пляжные шляпы с цветными тесемками, темные очки и надувные матрасы. Еще там были белые веры с мелкими фотографиями причала и дендрария. И самое важное – там продавалась курортная ювелирка: цепочки с подвесками в виде лезвий по рубль пятьдесят, браслеты из беленьких ракушек и такие же сережки – эти уже подороже за комплект. Меня же больше всего привлекали прекрасные и недоступно дорогие перстни: большие, из прозрачной пластмассы, а внутри были запаяны цветочки. Такие же цветочки в пластмассе часто украшали ручки переключения скоростей в местных такси. Мне очень нравились эти кольца, и я мечтала, что когда-нибудь в будущем (через недели две или три) мне удастся скопить четыре рубля, и я куплю себе такое. Красное, а лучше синее, с розовыми и желтыми цветами. Накопить деньги было легко: мне все время давали мелочь на мороженое, которую я припрятывала в разные

секретные места и сразу же забывала. Бабушка запретила деду покупать мне кольцо: она считала эти украшения ужасной безвкусицей. Вообще-то бабушка мне редко отказывала и часто покупала разные мелочи в детском магазине, который удачно располагался в первом этаже нашего дома. Почти ежедневно мы заходили в этот магазин по дороге с пляжа. Я сама никогда не просила купить мне игрушки: стеснялась, но бабушка внимательно смотрела на меня и спрашивала: «Тебе это очень нравится, да?» В ответ я пожимала плечами, и она тут же шла в кассу и выбивала чек, который протягивала мне, и я, краснея от счастья, получала желаемое. Обычно это были игрушки, а книжки и все для рисования она сама покупала к моему приезду, и каждый раз меня ждали удивительные сюрпризы. В этом магазине продавалась и одежда, к которой я была равнодушна, и часто посматривала в сторону юбочек и платиц, но здесь бабушка была непреклонна: ей не нравились детские наряды из магазина, а потому она водила меня к портнихе в соседний дом. Портниху звали Леонтьевна, она жила на первом этаже, а на окнах у нее стояли решетки, из-за чего над ней подсмеивались, ведь в городе отродясь никто ничего не крал; там даже входные двери запирали только на ночь, да и то не всегда. Леонтьевна была настоящая мастерица, она буквально из обрезков шила мне красивые платья, сарафаны и юбки, одну – даже длинную с оборками, из алого хлопка. Бабушка ее называла «цыганская», в ней можно было ходить по дому, а иногда и на море.

За рядом киосков с кольцами располагался маленький и очень дорогой рынок для отдыхающих. Местные же ходили на базар через второй висячий мост, у санатория железнодорожников. Сразу за рынком открывалась небольшая площадь, укрытая от солнца хороводом магнолий с белыми пахучими цветами, на площади всегда стояла небольшая очередь к лотку с мороженым и водами Лагидзе. На этой площади была наша первая серьезная остановка. Дед давал мне 20 копеек на молочное эскимо, а сам занимал очередь за водой. Я вскрывала мороженое, и мы неспешно направлялись дальше. Идти надо было небыстро, потому что эскимо должно было кончиться до аттракционов, которые и были главной целью нашей прогулки.

Аттракционов было три: «Ромашка», цепочки и один совсем детский – с паровозиком. Дедушкин товарищ дядя Сеня, на которого я стеснялась смотреть, потому что он был однорукий, работал включателем «Ромашки», а потому на ней я каталась много раз подряд. Иногда ему было лень каждые две минуты вставать со скамейки, и счастливые пассажиры кружились дольше предписанного. Потом я каталась на цепочках, которые мне нравились меньше, но я все равно туда шла, потому что иногда я сбрасывала с ноги шлепку с пластмассовым сиреневым лотосом, кто-нибудь обязательно охал, но цепочки не останавливали, и лотос красиво лежал на земле, пока карусели кружились. Мне очень нравилось сбрасывать туфлю и наблюдать, как другие дети обра-

чивались и смотрели на меня, милую босоножку, это таило в себе разные прекрасные сюжеты. Потом карусели останавливались, и я, ступая по-балетному, шла подобрать обувь.

Дядя Сеня прощался с дедом, передавал Валентине (бабушке) привет, и мы продолжали путь до следующей площади у кинотеатра «Луч», там покупали сладкую вату. Еще до сладкой ваты мы проходили мимо кафе-мороженого «Веселые картинки», но я туда не рвалась. Там на стенах были нарисованы – довольно искусно – огромные Незнайка, Карандаш, Гурвинек и другие персонажи мультфильмов. Я старалась проскочить, не глядя в высокие окна, потому что как-то раз, когда мне было три или четыре года, Самоделкин и Гурвинек показались мне живыми, просто приклеенными к стене. Выглядели они не очень веселыми. Мне потом снилось не раз, как они сходят со стены и гуляют по ночному городу, будто ищут кого-то, возможно, меня. В это кафе мы изредка ходили с бабушкой, и я всегда садилась к картинкам спиной. Признаться бабушке, что я до сих пор боялась их, было неловко. Однажды в «Веселых картинках» бабушка, зная мою страсть к мороженому в железной вазочке, спросила сколько порций я могла бы съесть. Прикинув свои силы, я быстро сказала, что пять или шесть. Бабушка встала и скоро принесла три вазочки. Удивляясь не столько своему счастью, сколько бабушкиному странному поведению (обычно мне покупали единственную порцию и ждали, пока пломбир подтает), я принялась за мороженое. Ровно три вазочки в ме-

ня и влезло. Бабушка предложила принести еще, ведь она купила не все сразу, чтобы мороженое не растаяло. Я отказалась. Мотивировала тем, что я замерзла и что продолжать было бы неразумно: горло может заболеть. Бабушка улыбнулась и вывела меня из кафе. Она ничего не объясняла, этот эпизод мы никогда не вспоминали.

С дедом в «Картинки» мы не заходили, эскимо я съедала по-быстрому, на ходу. Дальше наш путь лежал на баскетбольную площадку санатория МВД. Баскетбол я терпела с легкостью, потому что знала, что мы совсем немного там посидим, пока дед не убедится, что наши играют по-прежнему ловко. На скамьях баскетбольной площадки обычно было много народу, болели за своих, местные всегда играли против санаторных. Дед вел меня к стойке судьи (судил Степка – местный участковый и сын тети Тани со второго этажа), там всегда нас ждали раскладные плетеные стулья, они пахли нагретой пластмассой и морем. Впрочем, морем пахло все. Его присутствие было неизменным и естественным, как грунт на холсте, на который ложилось все остальное. Дед сидел на стуле, а я либо крутилась вокруг высокого судейского кресла, либо садилась рядом, стараясь вникнуть в суть игры, просто для дедова удовольствия. Болели страстно: орали, вскакивали, хлопали в ладоши от восторга или в отчаянии били себя по коленкам.

Потихоньку начинало темнеть, и с горных кипарисов спускались вечерние звуки. Розовые и белые олеандры вклю-

чали ночной аромат, зажигались фонари и становился вдруг слышен громкий стрекот цикад. С баскетбольной площадки мы доходили до причала, где уже заканчивалась смена на спасательной станции, и дядя Витя по прозвищу Краб ждал деда с бутылкой пива из пляжного ларька. К этому времени городской пляж уже закрывался, народу почти не оставалось, и звук волны, перекаत्याющей гальку, слышался по-ночному ласково и опасно, а темное непрозрачное море сладко пахло водорослями. Витька-Краб и дед сидели на ступеньках у причала, курили, тихо говорили и смеялись о чем-то, а я гладила белые бока пляжного пса. Летом он жил на лодочной станции, а осенью Краб забирал его к себе в сад, его жена Галя не пускала пса в дом, и он жил в будке, которую ему построил дядя Витя.

Краб сидел, прислонившись к стенке причала, расслабленно, по-хозяйски, а дедушка сутулился и выглядел очень тонким рядом с крепким и широкоплечим дядей Витей. В юности деду приходилось помогать своей матери со сверхурочной работой, которую она приносила из швейной артели. Он сидел на полу по-турецки и сметывал раскроенную ткань, а она строчила на машинке. Думаю, что именно тогда он и стал сутулиться, да так и не отвык. Дед и его младшая сестра Лиля росли без отца и работали с ранних лет. Тетя Лиля потом уехала в ленинградский университет, а дедушка после армии вернулся в Хосту к матери; потом он влюбился в мою бабушку, и они поженились. Кстати, дядя Ви-

тя-Краб был свидетелем на свадьбе, я видела фотографии. Тогда он был молодой и очень красивый, но сейчас он сильно постарел, ему было лет сорок пять, как и деду. Нет, деду было сорок семь, и он был моложе бабушки на целых пять лет, поэтому он ее слушался и всегда выполнял ее просьбы. Бабушка, например, не одобряла, когда мы долго задерживались на прогулке, а потому дед следил за временем. В очередной раз посмотрев на свои часы, он вставал с теплых ступенек, попрощался с Крабом, и мы пускались в обратный путь – мимо касс, где продавали билеты на вечернюю ракету в Сочи, мимо чебуречной у входа в дендрарий, мимо открытого кафе-шашлычной, где громко играли «Арлекино» и жарили мясо на шампурах. За столами сидели нарядные люди и ели ароматное сочное мясо, большие розовые помидоры и тонкий лаваш с корочкой. На входе всегда стояла очередь. Не попавшие в шашлычную расходились по другим ресторанам или понуро брели в сторону своих санаториев на диетический ужин с кефиром. По тротуарам шелестели ноги прохожих, из раскрытых дверей ресторанов и магазинов слышались музыка и смех, с магнолий стекал душный цитрусовый запах и ложился на цветочные клумбы; а сверху свисали щедрые южные звезды.

Ужин готовила прабабушка, она возилась на кухне и ворчала. Бабуля справедливо подозревала, что дед кормит меня общепитом. В общепит входило все, что не проходило че-

рез ее собственную кухню, даже мороженое и фрукты («кто их мыл, ты мне можешь ответить или нет, у, глаза твои бесстыжие, доведешь ведь дите до воспаления брюшины»). Она знала точно, что мы придем к началу программы «Время», но ужин был готов гораздо раньше: а вдруг? Мы с дедом взбежали на четвертый этаж и вламывались в дом, мыли руки в ванной (раковина в кухне предназначалась только для посуды, а кухонными полотенцами ни боже мой нельзя было вытирать руки) и мчались за стол. А там картошка жареная, салат из огурцов, помидоров и лука с петрушкой, кинзой и укропом, биточки куриные или из мяса (свинина мясом не считалась, только говядина), пареные под крышкой. А в другой раз барабулька в большой сковородке, к ней сацебели, томленный рис с морковкой, икра из синеньких с перцем и резанный вдоль серый хлеб с коркой, натертой чесноком. Потом компот из слив или персиков из толстых светло-желтых чашек. Бабуля сидела за столом, но сама не ела: наблюдала за нами. Когда мы вставали из-за стола, она говорила «спасибо» и перемещалась к раковине мыть тарелки.

– Ба, за что спасибо, это мы должны тебе говорить.

– Спасибо, что поели, не побрезговали. Так мама моя говорила.

Бабуля происходила с Кубани. Она родилась в девятистом году, поэтому мне всегда было легко посчитать ее возраст. И когда она умерла, я точно знала, что ей как раз испол-

нилось восемьдесят. Прабабушка не любила рассказывать про свою молодость, сколько бы я ни спрашивала. Я только знала, что у нее была младшая сестра Арина и брат Митя, кажется. Арина была очень хороша собой, и не только со слов бабули: я видела фотокарточки, две или три. Это были студийные снимки, две девочки сидят рядом, наклонив головы друг к другу. У бабули длинные серьги и туго заплетенные волосы, очень темные, а у Арины серег нет: уши не были проколоты. На обеих темные платья с мелкими пуговицами, застегнутые под горло. Больше ничего не видно, даже руки за пределами фото. Зато видно, что баба Паша и ее сестра очень красивы. У них большие черные глаза и густые высокие брови. Лица серьезные, шутка ли, крестьянские девочки сидят перед фотоаппаратом, ждут, когда вылетит птичка, а она не летит и не летит. Я не знаю, что случилось с Ариной или с Митей. О прабабушке знаю только, что она рано вышла замуж, но в этом не было ничего необычного. Необычным был ее выбор – бабуля расписалась с красным командиром. Думаю, что ее родители не обрадовались зятю-безбожнику и, наверное, отговаривали дочку. А может, отец даже грозился от нее отречься. Впрочем, все могло быть совершенно иначе.

Только после бабулиной смерти мне рассказали, что у них с мужем была дочка, бабуля растила ее до двух лет, а потом командир покинул их края и забрал дочку с собой. Почему и как это случилось, никто так и не узнал, только прабабушка свою дочь больше никогда не видела и ничего о ней не знала.

Бабуля еще раз вышла замуж, за моего прадеда Ивана, отца бабушки. Это хорошо, с одной стороны, все-таки, у них родилась моя бабушка, в свое время у нее родился папа, а потом уж появилась и я. А с другой стороны, бабуля намучилась с Иваном. Он был игрок, пьяница и драчун. Однажды он проиграл в карты все имущество, включая дом, где они жили. С одной стороны, это неплохо, по крайней мере, их не раскулачивали, но с другой – не так чтоб очень: им пришлось уйти с Кубани в Абхазию. Ушли они пешком с маленькой Валькой, моей бабушкой. Почему Иван выбрал Новый Афон, неизвестно, но именно там они осели и жили потом много лет. Там их дочь Валя пошла в школу, там же училась на медсестру. В сорок первом году ей исполнилось пятнадцать; фронт был далеко, но все мальчишки хотели воевать, а все девочки хотели быть сестрами милосердия. Наверное.

В Новом Афоне Валентина вышла замуж за Поликарпа, моего родного деда. Бабушке исполнилось восемнадцать, когда на свет появился папа. Мне хочется думать, что первые пару лет они были счастливы. Поликарп был из крепкой и довольно зажиточной семьи понтийских греков. Его родители Софья и Димитрий были добрыми и веселыми и, как говорила мне бабушка Валя, любили ее, как родную дочь.

Моего прадеда Димитрия расстреляли в сорок шестом, и тогда же Поликарпа сослали в Казахстан. Вскоре и вся его семья была сослана, только Софья и ее дочь Елена (мать и сестра Поликарпа) остались дома. Им повезло, что Еле-

на была замужем за офицером Советской Армии, и он их уберег. Почему он не помог остальным, нам неизвестно. В один прекрасный день Поликарпу объявили, чтобы назавтра в пять утра он стоял с вещами у крыльца – за ним придет грузовик и заберет его. Той ночью было решено, что моя бабушка с маленьким папой придет в Казахстан на поселение позже, когда дед найдет жилье. Но ничего не вышло, потому что почти сразу бабушка была арестована и осуждена на полтора года тюрьмы по обвинению в краже продовольственных карточек; бабушке было двадцать лет. Папа мой остался вдвоем с бабулей. Им дали комнату в каменном доме на Иверской горе. Много лет спустя бабушка Валя возила меня в Новый Афон, и я видела этот дом. Там еще был колодец, выдолбленный в камне, он уходил глубоко в гору. Если задумать вопрос, крепко зажмуриться и засунуть голову в колодец по самые плечи, а потом вдохнуть сырой запах воды и открыть глаза, то тебе может показаться ответ в виде картинки, которая всплывет с самого дна. Говорят, что колодец многим правду предсказывал.

В доме на горе жили три или четыре семьи, как в коммунальной квартире. Бабуля нигде не работала. Она стирала соседям белье, шила для них руками одежду – швейной машинки, конечно, не было – и вязала лоскутные коврики. Платили ей продуктами, реже – деньгами. Так, едва перебиваясь, бабуля с моим папой прожили две зимы, а летом было много фруктов и овощей, так что летом они не очень голо-

дали.

Когда бабушка к ним вернулась, они втроем уехали в Хосту, там жили бабулины родственники и поначалу приняли их в свой дом. Бабушка имела медицинское образование, а медсестра легко могла найти работу, ведь каждому белокаменному санаторию или здравнице требовались медработники. Сначала они жили у родственников, а потом получили жилье от бабушкиной работы. В школу папа пошел уже как обычный первоклассник, а не как сын ссыльного и бывшей заключенной.

Папа мой хорошо учился, уже в средней школе все знали, что он идет на медаль. За несколько дней до выпускного папа впервые увидел своего родного отца. Поликарп в тот день нарядился в костюм: шел поздравить сына с окончанием школы, нес ему в подарок часы в коробочке. Подарок папа не принял, он не простил деда за то, что в ссылке тот нашел себе другую семью. И при получении паспорта мой папа сменил греческую фамилию на бабушкину, русскую.

Поликаarpa папа больше не видел; когда спустя много лет он решил встретиться с отцом, было слишком поздно. Папа поехал по адресу Поликарпа, там его встретила нестарая еще женщина, вторая жена Поликарпа. Спросила, кто таков. Папа объяснил. Она не знала, что у деда была другая семья, да еще и сын. А сам он умер незадолго до того, даже сорок дней еще не прошло.

Я поискала в Фейсбуке людей с фамилией, как у Поликар-

па. Нашла с десяток, не больше. Все живут в Москве, один – самый молодой – в Нью-Йорке. Возможно, это мои родственники.

Папе с ранних лет было известно, что Поликарп в Казахстане женился, бабушка ничего от него не скрывала. У нее вообще была такая позиция: она либо говорила все, либо молчала, как партизан. Например, никогда не рассказывала, как она провела те полтора года в тюрьме. Буквально ни звука.

Бабушка Валя всю жизнь проработала медсестрой в больницах, в поликлиниках и санаториях. Когда папа закончил школу и уехал учиться в Бауманку, бабушка получила новую квартиру в пяти минутах ходьбы от санатория, где работала. Там же работал и дед Леня. Допускаю, что именно в санатории они встретились, но точно не знаю.

Я не видела Хосту зимой, и мне трудно представить, как этот город живет в холода. Наверное, горы покрыты снегом, корабли и лодки укутаны брезентом, и даже море замерзает и покрывается толстым светло-зеленым льдом. А летом это море синее и зеленое, очень прозрачное и теплое, не знаю, зачем его называли Черным. Когда я думаю о Хосте, сразу вижу много блестящей воды, яркий от солнца воздух, видимую с нашего балкона пахучую хвойную гору, а на горе – бабушкин санаторий. К нему по склону поднимается широкая белая лестница с огромными шарами, уложенными на балю-

страде через каждые двадцать четыре ступеньки. По первому пролету лестницы идти жарко, даже если держаться в тени олеандров и акаций с розовыми пушистыми метелочками. Когда метелочки срываешь и ставишь дома в голубую рюмку, они сразу вянут, не могут жить без своей акации. А на втором пролете по обеим сторонам растут фиговые деревья и сосны, они дают густую тень, и там уже попрохладней, даже в самое жаркое время – с полудня до четырех. Эти часы лучше переждать дома, валяться на диване на застекленном балконе, занавешенном белым тюлем, читать и есть с тарелки яблоко, нарезанное бабулей тонюсенькими ломтиками. Дыню или персик за чтением есть нельзя: они сочные, и можно испачкать страницу в книжке, а это под запретом. Читать в тишине и покое можно часов до трех. А в три – всегда в одно и то же время – на улицу выходит наша грузная соседка Мурышка. То есть имя у нее, конечно, другое, но для всех она была Мурышкой, потому что именно так она звала домой свою кошку, которую выпускала на самовыгул. Под конец сиесты соседка-кошатница выходит на улицу, становится под нашим балконом или бредет вокруг дома, заглядывая в заросли гортензий, и истошно зовет: «Мурышка! Мурышка! Мурыыыышка!»

Я знаю, что бабушка вот-вот вернется домой, переоденется в тонкое домашнее платье на пуговицах и выйдет на балкон со своей, взрослой, книжкой. Может и мне почитать, если не очень устала. Бабушка закрывает балконное окно, ло-

жится на кушетку и читает вслух из книжки. Она смеется, и от этого мне тоже ужасно смешно.

Мама Рома, мама Рома,
как тебе не совестно?
Тощ супруг, как макарона,
да еще без соуса.
Меня совесть не грызет —
кровь грызет игривая.
Дай,
правительство,
развод,
или —
эмигрирую!

– Синьор доктор, объясните мне, какое я животное?
– Не понимаю вашего вопроса, синьора.
– Чего ж тут не понимать, синьор доктор!

Встаю и сразу начинаю штопать, гладить, готовить завтрак мужу и детям – словом, верчусь как белка в колесе.

Сама поесть не успеваю – остаюсь голодная как волк.

Иду на фабрику и целый день ишачу.

Возвращаюсь в автобусе и шиплю на всех от злости как гусыня.

Захожу в магазин и тащусь оттуда, нагруженная как верблюд.

Прихожу домой и снова стираю, подметаю, готовлю – в общем, работаю как лошадь.

Падаю в кровать, усталая как собака.

Муж приходит пьяный, плюхается рядом и говорит: «Подвинься, корова».

Какое же я все-таки животное, синьор доктор, а, синьор доктор?¹

Я не знаю, почему у мамы мужское имя Рома или почему синьора спрашивает у доктора, какое она животное. Конечно, надо выбирать собаку. Мы с бабушкой не успеваем ничего обсудить, потому что звонит телефон. Все еще смеясь, бабушка морщит нос, смотрит на меня сквозь золотые очки с тонкой полоской на стекле и идет к телефону. Она знает, и я тоже знаю, что это звонит кто-то из знакомых, у кого-то заболело сердце, бабушка сейчас поставит кипятить железный сте-ри-ли-за-тор со шприцами, переоденется в уличное платье и уйдет к больному.

Я плетусь к бабуле в ее закуток за зелеными занавесками, плюхаюсь животом на кровать рядом с ней и смотрю, как она быстро вяжет коврик для прихожей из длинных полосок ткани, вырезанных из старого платка и синей шерстяной юбки.

Скоро придет с работы дед, и мы выйдем прогуляться.

¹ Евтушенко Е. Ритмы Рима.

По крови

Когда внучка попросила его пройти генетический тест, он сразу же согласился, хотя не очень-то верил в эти забавы. Впрочем, ему нравилось ей подчиняться. Он послушно поплевал в пробирку, плотно закрутил красную крышечку и отправил бандероль в далекую лабораторию. А сам почти забыл об этом.

Плотный белый конверт прибыл точно через месяц. С ироничным любопытством он вскрыл пакет: графики, цифры, карта Европы с пометками, несколько страниц комментариев. Начал было читать, но вдруг остановился и проверил имя адресата. Вернулся к началу. Черным по белому: 47 процентов еврейской крови. Дальше там шло что-то про сефардов и ашкенази, в общем, в пользу последних. Он резко отодвинул бумаги и крикнул дочери:

– Катя, я же говорил вам, что это пустая трата денег! Посмотри, какая ерунда этот ваш тест.

– Через полчаса, пап. С собакой схожу, потом почитаю.

Он молча встал из-за стола, сунул дочери стопку бумажек, отыскал на полке поводок и свистнул Серого.

Парк был завален красными листьями, Серый деловито трусил по дорожке, время от времени подбегая к знакомым деревьям и скамейкам. Если допустить на секунду, в порядке бреда, что эти бумажки хоть отчасти верны, то что же полу-

чается?.. Да то и получается, что на этой самой аллее, только лет тридцать назад он утвердил бездарный сценарий и выбрал запасной состав актеров, вот и получилось плохое кино. А первый состав рассыпался по другим картинам, и их теперь не отыскать. Ничего теперь не вернуть...

Еврей? Да нет же, быть не может. Он отчетливо помнит окаменевшее лицо матери, когда он представил ей Полину. К тому времени он уже был аспирантом в МГУ, а Полинка училась на третьем курсе педа: туда охотнее брали людей определенной национальности. Полина чувствовала, что мать ее едва терпит, и почти все время они проводили дома у Поли. Окна кухни в их квартире выходили на парк. Где-то вдалеке высилась Останкинская башня, а чуть правее – не так давно возведенная гостиница «Космос». Когда в квартире открывали форточки, дом наполнялся шоколадным запахом из-за соседства с «Бабаевской» фабрикой; Полина утверждала, что запах этот гораздо вкуснее самого шоколада. Они и познакомились благодаря этому шоколаду. Однажды они встретились на автобусной остановке, которая располагалась на равном расстоянии от их домов. Они жили по соседству, и часто потом удивлялись, что никогда до этого не встречались. Правда, учились в разных школах, и Поля была на несколько лет младше. Он тогда на остановке подошел к ней и спросил: «Вы не знаете, почему здесь так пахнет шоколадом? Взрыв на шоколадной фабрике?» Полина рассмееялась, хотя шутка была не очень удачной. Просто он ей

сразу понравился.

А в тот день выпал первый снег, и они с Полиной решили пойти к метро пешком через парк по белым дорожкам. Она говорила, что скоро Новый год, а потом сессия и целый месяц каникул. Все так удачно складывается по времени, и можно подождать пока с академкой, посмотреть, как дела пойдут во втором семестре. Обычно ему нравился ее голос. Ему многое в ней нравилось: как легко она смеется, как по-детски сопит во сне, как гордо носит свой дурацкий красный берет; нравилось даже, что она много и торопливо говорит, рассеянно перескакивая с одного на другое, и так же рассеянно теряет то шарфы, то ключи или зонтики. Но в тот момент его тошнило от ее голоса и очень хотелось, чтоб она замолчала. Ему надо было подумать, как жить дальше. Пока ясно было одно: как только мать узнает о Полиной беременности, все безвозвратно изменится. Елизавета Сергеевна не раз повторяла, что еврейку в доме она не потерпит: не затем она стольким ради него пожертвовала, чтоб он себе жизнь сломал, женившись на какой-то там... училке, а отчим ей вторил, заводясь: «И не надейся, что тебе светит карьера выездного дипломата! При жене с пятой графой будешь до пенсии в инструкторах ходить, даже я помочь не смогу. Красный диплом, защита на носу, все псу под хвост! Подумай, парень».

А что тут думать. Он как рассуждал? Во-первых, матери

придется смириться, когда она поймет, что с Полиной у них всерьез. Подумаешь, еврейка, не те времена. Во-вторых, отчим поможет с карьерой, с его-то связями. Полька подождет со свадьбой, пока он не устроится. Ему и нужно-то было всего ничего – год или два. А она взяла и залетела. И так легко и даже как-то радостно ему об этом сказала. У Полины все было просто и понятно: поженимся, она возьмет академку, жить будем пока у них, чтобы мама помогала. А дальше можно переехать в бабушкину квартиру, бабушка уже давно ее к себе прописала.

Он резко остановился, рывком повернул ее к себе и почти крикнул:

– Да замолчи ты! Ты только о себе и способна думать. Ты что, дура совсем? Неужели не понимаешь, что это все совершенно невозможно! Надо не об академке думать, а идти и аборт делать, чтобы до сессии успеть.

Полина смолкла и неуверенно посмотрела ему в лицо. Он ждал, что она что-то скажет, но она постояла с минуту, отвернулась и медленно пошла по боковой дорожке прочь от него. Последним, что он видел, был алый заснеженный берет, по-киношному уплывающий в белую метель.

* * *

Серый давно устал и просился домой. Он взял собаку на поводок и повернул назад. Откуда взялись-то эти 47 про-

центов? Если это правда, конечно. Отцовские, больше неоткуда. Хорошо хоть, что мать уже не узнает, ее бы удар хватил. А может, знала? И от отца потому ушла, а не по внезапной большой любви, как всегда ему говорила. Очень скоро ее новый муж пошел на повышение, и они переехали из Витебска в Москву. А отец почти сразу после этого как-то по-глупому умер от простого аппендицита. Мать и отчим немедленно оформили бумаги по усыновлению и смене фамилии. В Белоруссию они больше ездили: далеко, да и ни к чему.

* * *

– Пап, я уже волноваться начала, почему ты так долго? – Катя принесла таз с мыльной водой и начала мыть собачьи лапы.

– Ты видела результаты теста?

– Видела, а что тебя не устраивает?

– Вот люди! Хоть бы вид сделали, а то пишут наобум. Испанские корни, польские, еврейских и вовсе половина, а остального – кот наплакал.

– Что же тут странного? Европа – старенький тесный континент, тут всего намешано. Ну а большой процент еврейской крови означает только, что, возможно, и отец твой был частично евреем, не только баба Лиза.

– Ну что ты болтаешь, Кать? Бабка твоя была русской, евреев не жаловала, ты же знаешь. Даже невестку себе выбрала

по славянскому признаку.

Катя домыла Серого, отцепила поводок и выпрямилась.

– Да ладно тебе, пап. Баба Лиза мне говорила, конечно, что еврейская тема была у вас под запретом, особенно пока дед был жив, но сейчас-то уж можно выйти из шкафа. Не удивляйся ты так, знаю я ваши секреты. Бабушка в те... в последние дни стала очень откровенной и много рассказывала, будто за всю жизнь наверстывала. Или хоть кому-то довериться хотела, пускай даже мне, хотя она меня и не особо любила. Про тебя много рассказывала, как ты маленький был. Как в школе был отличником, да и потом тоже. Как хотел в кинематографический поступать, а они с дедом тебя заставили в МГУ подавать. Даже твою старую институтскую любовь вспоминала в деталях.

Катя выплеснула грязную воду в раковину и начала мыть руки с мылом.

– Мы с мамой только тогда и поняли, почему ты Польку так назвал. И почему мы все с бабушкой так редко виделись, пока она не заболела. Мама еще месяц потом только со снотворным спала. Ее уж бабуля могла бы пощадить, да когда она кого щадила. Каменная была.

Катя пригладила перед зеркалом волосы и сняла с вешалки пальто.

– Да, еще бабушка сказала, что в письме подробно объяснила, как тебе в витебской синагоге нужные бумаги получить, если мы уезжать надумаем. Письмо, кстати, нам так

и не отдала: до последнего тебя ждала, все надеялась, что сам придешь. Его потом, конечно, выбросили вместе с остальными вещами, – Катя застегнула пуговицы на пальто, посмотрела ему в лицо и погладила по плечу.

– Ладно, пап, мне в школу за Полинкой пора. А ты бы прилег, а то побледнел так. Будто привидение увидел.

29.01.2015

Про то, как мама в галерею ходила

Зачин

– Вот смотри: в окно видно 4-ю улицу. Идешь по ней прямо, никуда не сворачиваешь. Дойдешь до Т-образного перекрестка, повернешь направо. Это Авеню Индиана. Идешь по Индиане вдоль большого здания, как оно кончится, обойдешь его, повернув налево, и упруешься в Авеню Независимости. На ней и находится Национальная галерея. Между 6-й и 7-й. Поняла?

– Я прекрасно все найду. Если что, позвоню.

Через два часа мама отчитывается:

– Такая прекрасная галерея! Там портреты, портреты, я всех президентов в лицо узнала. Такие сокровища, а никакой проверки, никаких металлоискателей, еще внутренний дворик совершенно прелестный. Потом я пошла на третий этаж, а там витражи, витражи!

– Нету, мам, там никаких витражей. А металлоискатели

есть. И третьего этажа нет. Вроде. Или есть? Ты от цоколя, что ли, считала?

– Ну что я считать не умею?! С первого считала. И плитка там такая красивая, мозаичная. И колонны!

– Нету там плитки, мам! А Леонардо нашла?

– Леонардо?..

Через полчаса:

– Таня, я поняла, это была Национальная галерея, но портретная, вот же и брошюрка у меня. Ты меня не туда послала.

Разбор полетов

– Вот, смотри на карте: вот галерея, вот наш дом, вот картинка галереи в гугле.

– Я все поняла.

– Давай я тебя провожу, там оставлю, ты посмотришь, а домой сама дойдешь.

– Нет и нет, я все найду. Я поняла, говорю же.

Через два часа:

– Представляешь, нету там галереи, по 4-й прямо, там направо, между 6-й и 7-й ищу – там ничего.

– Как ничего, вообще ничего?

– Ну что-то там болтается, но никакого купола, никакой тебе галереи. Ни-че-го.

Вердикт

Ура, я поняла: топографические спецособенности у меня наследственные, от мамы. Потому что папа – он другой.

Я в Москве, стою на Садовом, куда ехать дальше, не знаю. Звоню папе. Он интересуется:

- Ты на внутренней стороне или на внешней?
- Я не знаю, тут не разберешь.
- Хорошо, давай так: у тебя Кремль с какой стороны?
- Не знаю, пап, его же не видно.
- Ты издеваешься?
- Нет, это ты издеваешься.

Я хорошо понимаю вправо и влево. Взад и вперед. В Америке говорят: езжай на север, там съедешь на I-395. А где север или не север, как север определять, по мху на деревьях? Ну ладно, в машине на зеркале написано, что впереди – север там, или юг. А если северо-запад, то куда? Поэтому мой лучший друг – это навигатор. То есть подруга, потому что ее зовут Кармен. Чисто по голосу.

18.01.2017

Инструкция по выживанию в долгосрочном браке, или

Как вернуть ренессанс в ровные семейные отношения

Начинать надо так.

(1) Одного из супругов надо отправить на другой континент.

нент не меньше чем на полгода.

(2) Вернуть его (или ее) обратно по истечении этого времени и дать возможность наслаждаться тихим семейным счастьем. Оно гарантированно продлится не менее двух недель. В этот период желательно не злоупотреблять принятием сложных решений, выяснением отношений в части взаимных обязанностей (сюда же относятся мелкие домашние дела, а именно выгул собаки, приготовление еды, уборка и подобное) или обсуждения финансовой стратегии (при этом тактические денежные вопросы обсуждать можно и нужно, но не превышать обсуждаемую сумму на более чем 0,1% совместной годовой прибыли).

Невыполнение вышеуказанных условий неизбежно отбросит означенные отношения в страшные смутные времена. Если же именно такой сценарий развития событий принципиально входит в планы хотя бы одного из супругов, можно затеять покупку жилья. Этот вариант сопряжен с высокими рисками. В конце концов всегда можно вернуться к пункту (1).

Порядок действий. Искать домик в приятной части города. Спорить до кровавой пены из-за района, цены, квадратов, цвета и формы крыши, близлежащих улиц и количества ступенек у парадного крыльца. Не помешает также нанять и уволить пару-тройку риелторов. Не брать ипотеку. Брать ипотеку. Не брать. Или? Вроде бы решиться, отменить решение из-за тупости и гадства продавца. Пожалеть об отмене

решения и простить продавца. Упаковать кастрюли и полотенца. Передумать. Распаковать. Опять упаковать. Заказать и оплатить драгоценные шторы. Гордо предъявить супругу результат многодневных метаний между фактурами, производителями, цветами ткани и услышать, что это не то, нето, совсем не то. В ответ бросаться в него тарелками, компьютером и угрожать разводом, уездом на родину или суицидом через утопление. Отослать занавески назад в магазин, уплатив неустойку за индпошив. Отказаться от затеи купить жилье, но продолжать лениво смотреть варианты.

...Возлюбить, наконец, домик на милой улице, соблазниться совершенно, а через пару дней изменить ему с другим из соседнего района, потом раскаяться, вернуться к первому и вымолить прощение, сразу же его разлюбить, потом даже возненавидеть, но все-таки купить. Ступить на скользкий путь переезда. Переехать. Заболеть, выздороветь, заболеть опять. Вызвать на дом врача. Услышать от него: так уютно у вас, хозяйка, вот выздоровеете, шторы повесите, вообще отлично будет. А температурку надо сбивать, зачем же терпеть такое, это ж как себя надо не любить.

Прослезиться от постороннего сочувствия, наестся аспирина, оглядеть владения и испытать незамутненное счастье.

06.04.2017

**Происшествие на поле для гольфа,
или О пользе бойскаутского движения**

У одного хорошего человека есть шорты настолько разноцветные, что я всегда прошу его надеть другие, когда мы куда-то вместе идем: глазам больно. Он послушно, ну почти, носит их только тогда, когда я не вижу. В этих шортах, в белых туфлях для гольфа и – правильно – с клюшками для гольфа он отправился в воскресенье играть. Следует признать, что в этом конкретном случае шорты были кстати, их было видно издали, а потому я никак не могла перепутать его с другими участниками игры.

Если кто не знает, на поле для гольфа допускаются только игроки, группами, по четыре. И никаких болельщиков. Игра в гольф – развлечение на весь день: пока доедешь до клуба, пока соберется четверка, пока охватишь положенные восемнадцать лунок, потом обед или ужин и чествование победителя. Выигрывает тот, кто наименьшим количеством ударов забьет шары во все положенные лунки. Счет, как при игре в преферанс, записывается на специальной бумажке. Да, еще там игроки перемещаются по полю на таких машинках, как на детском аттракционе. В общем и целом игра рассчитана на серьезных джентльменов. Обычно джентльмены так увлечены игрой, что ничего вокруг не замечают, кроме друг друга. Еще смотрят, кто какой клюшкой когда стукнул, сколько ударов кто сделал и насколько ровно и сильно полетел шар. И верно ли записали ходы, в смысле, удары. Да, и клюшки имеют имена. Например, одну зовут Толстая Берта. Или про-

сто Берта, не упомяну. Ею бьют на большие расстояния. Есть легкая и стройная клюшечка, ей положено нежно толкнуть шар, когда он приведен уже непосредственно к лунке.

Так планировалось и в этот раз. Гольфисты плавно передвигались по полю, обсуждая джентльменские темы, посмеиваясь, перебирая клюшки, снимая или надевая перчатку (чтобы не скользила ладонь), бдительно наблюдая, чтоб все было по Правилам. А одно из важнейших Правил есть проявление уважения к собратьям по игре. Например, надо учитывать интересы четверки, которая движется следом за указанной группой, и ни в коем случае не задерживать ход большой игры.

На участке номер шесть четверка впереди непростительно замедлила скорость, потом перестала двигаться вовсе, сгруппировавшись вокруг неразличимого издали препятствия. Даже с большого расстояния угадывалось несчастье.

Наша четверка недоуменно переглянулась. Наша четверка спросила себя, не требуется ли предыдущей группе ее содействие. Согласно кивнув, четверка приняла решение действовать. Игрок в ярких шортах вспрыгнул в карт и ринулся через изумрудный газон навстречу неизвестности. И очень правильно сделал, потому что один из игроков предыдущей группы переживал сердечный приступ, который впоследствии оказался инфарктом.

Когда Крис (а это был именно он) оказался в центре событий, сердечник лежал на спине, его жена пыталась про-

вести массаж сердца, третий игрок вызывал скорую, а еще одна дама давала советы, как получше реанимировать пострадавшего. Крис в детстве занимался плаванием, и их учили, как проводить искусственное дыхание. И еще он, конечно, не раз видел это в кино. К моменту, когда он выскочил из карты, лежащий человек не подавал признаков жизни, не дышал и был бледен, как мертвый; казалось, он уже глядел в вечность. Крис отодвинул жену, послал советчицу и приступил. Мобилизованный высоким уровнем адреналина, Крис вспомнил, куда надо дуть, куда жать, как сильно надо жать, чтобы не сломать несчастному грудную клетку. Вскоре больной судорожно вздохнул, потом еще раз вздохнул, а Крис не знал, пора ли остановиться или надо продолжать. Неизвестно, сколько бы это еще длилось, но приехала скорая, отняла сердечника у Криса, произвела интубацию и дефибрилляцию и увезла пострадавшего в госпиталь.

Набежавшие сотрудники гольф-клуба предложили господам не задерживаться и продолжить игру. Господа продолжили, успешно отыграли и отправились восвояси.

В состоянии стресса и изумления никто не выяснил имени больного. И теперь невозможно выяснить, каково его состояние.

Ах, да! Крис выиграл, а наша четверка получила благодарность клуба за спасение жизни гольфиста и подарочные сертификаты на текущий сезон.

Update. Пострадавший благополучно пережил операцию

на сердце. Из больницы выписывается в понедельник.

08.11.2017

Я люблю спать в арктических температурах. Мне нравится контраст между холодом воздуха и пододеяльным теплом. У Бони тоже есть одеяло, я ее укрываю с вечера. Среди ночи Боня приходит к нам в кровать: наверное, она замерзает, если ее плед с нее сползает. Если собачка слишком уж насадет, ее можно ласково сдвинуть, она сразу встает и ждет, пока ты примешь удобное положение, а потом устраивается вокруг твоего тела.

Крис встает раньше всех. Мы спим, пока он собирается, чтобы не путаться у него под ногами, и поднимаемся, когда он почти ушел, чтобы не дать ему забыть напоследок вывести собаку. Я и сама могла бы, но мне надо одеваться, а Крис уже весь готов, в галстук.

Обычно утро проходит мирно, по накатанной. Сегодня же Крис проснулся по будильнику, сел на кровати и резко сдернул с меня одеяло. Он решил, что в комнате прохладно и надо бы укрыть собачку, а то она насморк подхватит. Вот так и меняются у людей приоритеты.

07.08.2019

В этот день мы празднуем 26 лет со дня свадьбы. Мы

с Крисом женились два дня подряд, сегодня в загсе, а завтра в церкви. Тогда церковь не венчала без печати в паспорте. С утра прошел дождь – на счастье, как сказал мой папа. Это он еще не знал, что паспорт Криса заперт в каком-то кабинете в министерстве иностранных дел РФ. А суббота. Хочу думать, что Крис не знал, что в загсе без паспорта не расписывают. А может, это была его последняя попытка сбежать из-под венца. Мало того, что его едва уломали на мне жениться (подкуп и угрозы – понятный метод), а тут все может сорваться в последнюю секунду. Гости томятся, лимузин бьет копытом, невеста в слезах. Ничего, добыли паспорт. Об этом в другой раз, может быть.

17.10.2019

Отвезла папу в аэропорт, он сегодня летит домой, счастливчик. Конечно, в аэропорту он оставил планшет. А без планшета как ему в самолете в шахматы играть? Я предупредила, что планшет может потеряться, а потому хотела приторочить к папе все, что в карманы не влезает. Но папа отказался от шнурка для очков и от рюкзака для мелочей, потому что это «только для впавших в слабоумие». Вспомнил про планшет, как только сел в самолет, но идти обратно было далеко, да и вряд ли самолет стал бы его дожидаться.

Приехал папа домой, раскрыл чемодан и получил сюрприз номер ту: сыру-то там и нет. Но чемодан по-прежнему за-

перг. А я так гордилась, что не забыла сыр из холодильника вынуть и в чемодан ему положить в последний момент.

Я его утешаю: «Хорошо, что ничего по-настоящему ценного не сперли».

А он: *«Да. Если тебе изменила жена, радуйся, что не Отечеству».*

Про дочь

Игра в бисер

Дочь наша – девочка с характером. И поэтому, когда у нее возник план соорудить занавеску из бисера и повесить ее в дверной проем собственной комнаты, мы подошли к задаче всерьез. Сначала Соня нарисовала подробную картинку с занавеской, бусинами и шнурками. В тот период жизни Соня любила сиреневый цвет. (Она так и говорила: «Ничего нет лучше сиреневого, кроме желтого. И еще, конечно, розового»). Мы проделали подробный анализ мебельных магазинов Москвы. Там ничего подходящего не нашлось. Потом расширили поиски и обратились к сайтам магазинов Италии и Франции, впрочем, не брезговали и ближним зарубежьем. Готовых занавесок на Сонин вкус не было нигде.

– Ничего, мамочка, мы и сами можем сделать занавесочку. Ты же сама говорила, что если хочешь что-то сделать по уму, надо все взять в свои руки. Давай возьмем, – и показала мне ладошки.

Возразить было нечего. Так мы оказались в темном подполье где-то в районе Тверских переулков. Подвал переливался несметными сокровищами: бусы, бисер, хрустальные подвески, бубенцы на веревочках и прочий блеск. Де-

вочка-продавец ничуть не удивилась нашей просьбе подыскать нам пару кило бисера в фиолетово-желто-розовой гамме. Мы провели в подвале несколько часов, домой вернулись счастливые и с коробкой тонких металлических нитей, унизанных стеклянными бусинами неземной красоты.

Через несколько человеко-часов сложное изделие повисло на входе в Сонину комнату. Соня любовно огладила хрустальный водопад, крепко меня обняла и шепнула: «Ты лучшая в мире мама! Смотри, как красиво!» Всплакнув от счастья, я плотно закрыла дверь в гостиную, где ночевали кошки, потому что боялась, что они разобьют новую занавеску, когда выйдут на ночную охоту. Наконец, все разошлись по спальным местам.

Целых полчаса я провела во сне. Разбудил меня грохот, с которым обычно роют метро, только он раздавался из нашей гостиной. А это Дина, кошка-ангел, нежнейшее облако, кошка с лицом полярного совенка, выражала неудовольствие и билась телом в закрытую дверь.

– Так не ведут себя в приличных семьях, – будто бы говорила Дина, – если вы купили красивую обновку, которая так сияет и звенит, не надо прятать ее от домочадцев, или мы не люди?

– Да, – вторила ей Ночка, – это возмутительно, а ну, наддай еще!

И с новой силой Дина продолжала биться в дверь.

Некоторое время я пролежала без сна, надеясь, что Дина

устанет, что она оставит эти грубые попытки, что она поймет, наконец, что я сплю.

«Сука, – подумала я через сорок минут, – мне спать осталось четыре часа. Я не встану, хоть умри!» – и закрылась одеялом с головой. Но нет, Дина и Ночка решений не меняют, они доберутся до бус, даже если придется снять дверь с петель. Я впустила их, легла в постель и немедленно раскаялась: кошки принялись шарахать занавеску о дверные косяки и примыкающие стеклянные полки с дорогими моему сердцу вазочками и картинками в рамках.

Проснулся Крис. Он возмущенно выпал из кровати и мгновенно нашел решение: в шкафу рядом с гладильной доской давно болталась брызгалка со старой водой. Ей не пользовались при глажке, ведь утюг сам умел брызгаться, но бутылку держали на всякий случай. Случай представился самый подходящий. Щедро сбрызнув кошек стоялой водой и тем их на время обездвижив, он выбросил их обратно за дверь.

«Хорошо, что Крис так быстро соображает, вот когда пригодились навыки военкора, – благодарно подумала я, – спать можно еще довольно долго, и возможно, мы встанем по будильнику, Соня не опоздает в школу, а я успею доехать до работы более-менее к десяти».

Но нет, только начав смотреть новый приятный сон, я пробудилась. Кошки продолжали демонтировать дверь. Крис опять встал, прихватил брызгалку, на цыпочках подкрал-

ся к заветной двери и резко распахнул ее, позволив Дине влететь во внезапно образовавшийся проем и приблизиться к вожделенным стеклышкам. Дина подивилась простоте, с которой ее подпустили к занавеске, и, ожидая подвоха, тихонько посидела, а потом подняла белую лапку и легко коснулась бусины. Ничего не случилось. Тогда осмелела хитрая и осторожная Ночка и подобралась к занавеске. И тут, коварно, без предупредительного вопля и зачитывания Миранды, Крис выпустил в кошек очередь из брызгалки; бедных кошек подбросило в воздух. Приземлившись, оглушенная предательством Дина, а за ней и Ночка, обреченно выкатились в коридор. Дверь опять закрылась, мы улеглись в кровать и заснули. Кошки повторили маневр.

Теперь встала я, открыла дверь и приняла мокрую Дину в захват, близкий к смертельному. Подержав ее с минуту, я ослабила объятия, приласкала ее и принесла к себе в постель, рассудив, что лучше спать в вонючей луже, натекшей с Дининой шубки, чем скакать всю ночь по коридору. Дина любила со мной спать; ей это нечасто удавалось, потому ее шерсть набивалась мне в нос, и я не могла дышать. Быть приглашенной в мою постель считалось привилегией. В этот раз Дина решила, что так дешево ее не купишь, полежала рядом десять минут, позволила мне заснуть, свистнула Ночку, и они возобновили игру стеклянных бус.

Задыхаясь от ярости, я изловила их обеих, отнесла в туа-

лет в другом конце квартиры, откуда их не было слышно, и плотно закрыла дверь. Я не прибегла к этой крайней мере раньше, так как быть запертыми в чулан считалось чересчур суровым наказанием.

В ту ночь никто не пострадал, если не считать трех рулонов туалетной бумаги, севильской корзинки и журнала с Кейт Уинслет на обложке.

Соня безмятежно спала до утра.

* * *

Я! Я вам расскажу, как это бывает. Вот ты молодая девушка, закончила школу, а потом сразу институт. Где-то в это время встречаешь кого-то, кто станет или не станет твоим мужем. Ну, рано или поздно кто-то станет. Институт закончен, свадьба, квартира, посуда, книжный шкаф, спальня, занавески, переезд, работа. Или не работа. Нет, все-таки работа; каблуки, сумочки, машина, офис, отпуск. Несешься, парус белый, друзья, веселье, гостей домой приглашаешь с радостью, опа, научилась готовить, ну, мама кое-что показала, кое-что по рецептам посмотрела, на рынок ездишь, как большая. Потом – раз, у вас будет ребенок, ура-ура, какая радость, бросить курить, коляска, игрушки, серебряная ложка, крестная мать, бабушки-дедушки, квартира побольше, чаще на дачу, здоровое питание, хороший педиатр. Надо ис-

кать детский сад, обратно на работу, тут уже и в школу пора, а у тебя небольшая дырка в груди – first degree of separation.

Первое сентября, лаковые туфельки, музыкальная школа, родительское собрание, не очень по математике, Петька плевался, Вася отнял пенал. Мобильный телефон, летний лагерь, фигурное катание, а что мальчикам на день рождения дарят, дополнительные по физике, новая работа, босс кре-тин, в отпуск опять можно ехать вдвоем с мужем, кредит на новую квартиру, занавески, собака, ремонт, вторую дырку в ухе проколоть, это же не татухи, мам, а как побыстрее поху-деть, не буду есть мясо, не хочешь – не ешь, а можно у Лены на ночь остаться, еще чего. 16 лет, пора думать про институт, мама заболела, может, пропылесосишь хотя бы, а не пропы-лесосишь – забудь о поездке в летний лагерь с «Годесом», отстань от меня, закрой дверь, где ты была до двух ночи, да телефон внезапно разрядился.

Новая работа, офис на краю Вселенной, новенькая девуш-ка на ресепшнере, какой у нее год рождения, не может быть, я уже школу закончила, пробки, холодильник пустой, у па-пы рак, племяннице три года, подругу муж бросил, может, ну его нафиг, этот ботокс, а сразу подтяжечку. Муж потерял работу, продать дачу, нашел работу, но похуже, да нет, ни-чего вроде.

Поступила она в университет, поступила, спасибо, обяза-тельно, нет, в Америке, а я что, я рада, только представь, как

это здорово, традиции, уровень, профессура. Ну как, а другие как, все прекрасно, просто отлично.

Пора составлять список для поездки, книжки, контейнеры для обуви, с крышками, и документы, документы – самое главное. Не бери это все, тебе не понадобится, только пыль собирать. Ну бери. Талоны на обед и ужин, а завтрак? Без завтрака долго не протянешь, лекции начинаются в 9, встанешь в 8, успеешь позавтракать. Хорошо, тогда между лекциями, но обязательно еду, не только кофе.

Только позвони сразу, как долетишь. Только не «Убер», возьми нормальное такси. Только ключ не потеряй. Только сразу позвони. А эту куртку не берешь, ну не бери. Аэропорт. Очередь. Дальше только те, кто с посадочным? Ну счастливо. Пока. Позвони. Нормально я.

Пустая комната. Старая собака тихо лежит. Пакеты из-под чего-то на полу. Тепло и влажно. Дождь, что ли. Не трогай ты меня. Новая роль. Mother of the bride.

20.08.2013

ГАИ

Едем в автомобиле, за рулем Соня. Я стараюсь помалкивать, но иногда напоминаю, что поворачивать скоро, надо перестроиться и в зеркала посмотреть. Волнуюсь. Соня отвечает двумя-тремя словами, подразумевает больше слов, наверное. Я бы на ее месте подразумевала. Удачно повернули

на нашу улицу, уже можно расслабиться, но вдруг слышим сирену, сзади повисает полицейская машина, мигает всеми огнями. Пугаемся, останавливаемся. Подходит дяденька лет сорока, подтянутый и симпатичный, лицо строгое. И спрашивает:

– Вы только начали водить, мисс?

– Да, – шепчет мисс.

Г (аишник): Вы меня подрезали на повороте, я почти въехал в ваш багажник, мисс.

С (оня): ... ах...

Г: Разве вы не знаете, что надо смотреть во все зеркала?

С: Простите... ах...

Г: В какой водительской школе вы учитесь?

С:...

Я: В такой-то.

Г: Покажите права!

Роемся в Сониной сумке. Потом в моей. Опять в Сониной. Лезем под сиденья. Опять роемся в сумках, но уже тянем время, поскольку не знаем, что делают с девочками и их мамами, когда такое, может, их живьем жарят.

Г: У тебя что, прав с собой нет? Мисс? А где они? Дома забыла? А они вообще были? Я сейчас вам обоим тикеты оформлю.

Я (начинаю коррумтировать гаишника): Это, офицер, давайте как-нибудь, в смысле, сэр?

Г: Я вас так понимаю, мэ, трудно учить детей водить, я

сам в начале карьеры работал в школе нового водителя.

Гаишник начинает белоснежно улыбаться:

– Я вот и своих троих тоже сам обучал, сплошной стресс.

Опомнившись, делает строгое лицо:

– А ты, дорогая, не подрезай полицейские машины. Вообще никого не подрезай. Я за тобой теперь наблюдать стану!

С: Простите-извините, я не понимаю, как могло такое случиться...

Г: Ты меня и не заметила, скорее всего. У! Ну да ладно, езжайте, на первый раз замечание.

Р. S. В случае получения билета на учетную карточку водителя (почти как дырки в талонах) начисляются очки; при определенном их количестве могут и права аннулировать. Это уж не говоря о штрафах, которые тоже немаленькие.

15.05.2015

Соня поехала на выпускной вечер. Разве важно это, что экзамены еще впереди? Ну и что с того, что в парикмахерской перепутали время и попросили приехать с утра, а не ближе к вечеру, и Сонины кудри за день беготни развились. Сиреневое платье висело в шкафу почти месяц, закрытое пластиковым мешком и будто забытое. Я отворачивалась от него, не хотела думать, что вот уж все, школа закончена, университет ждет, еще пару месяцев, и ребенок поедет ку-

да-то. Далеко, в другой город. Туфли Соня покупала сама, без меня: справляется. Духи и сережки взяла у меня в ящике, а свои тридцать три браслета согласилась оставить дома. Не знаю, сняла ли цепь со щиколотки. А, нет, сняла, вот же она, на тумбочке валяется.

Девочки и мальчики стояли смирно, пока толпа нервных родителей пыталась фотографировать. Я наводила камеру и щелкала, щелкала, почти не глядя. Да и не знаю, поместились ли в кадр все дети. Вряд ли. Другие родители какие-то более спокойные, попрошу фотографии у них.

Конечно, входные билеты в банкетный зал, где все будет, Соня забыла дома. Ничего, я съездила, привезла. А сейчас вернулась домой. Еще не темно, даже не сумерки. Сижу, вдруг взволновалась, мне срочно надо записаться на маникюр, забыла в суматохе. С другой стороны, зачем он мне нужен? Так и буду теперь ходить, ну и пожалуйста.

Ночевать Соня дома не будет, официальный праздник продлится допоздна, а потом все поедут допраздновать к однокласснице, бедные ее родители. Не знаю, взяла ли Соня с собой удобные туфли на смену.

11.06.2016

Звонила Соне в Англию. Она только проснулась, голос детский. Почему спит среди дня? Да вчера допоздна празд-

новали день рождения местной королевы, что ж тут непонятного?

Возможность легитимно купить и выпить – одна из прелестей жизни в Англии. В Америке можно с 21 года, то есть еще полтора года Соне в магазине не продадут и в баре не нальют, а там – пожалуйста. И в баре. И в магазине. И новые горизонты.

29.04.2017

Повзрослевшие дети учат смирению. Особенно когда набивают татухи, а потом смотрят нежно и говорят: «Нашла из-за чего расстраиваться».

18.08.2018

Не умею жить в моменте. Мне всегда подавай завтрашний день. Но мне его не подадут, и я сама этот день сочиняю и уже заранее боюсь.

Присели на дорожку перед поездкой в аэропорт. Соня кладет голову мне на плечо. Так знакомы плечу эта тяжесть и форма ее головы. Соня закрывает глаза и тепло дышит мне в ключицу. Бессчетные часы мы просидели так – в машине, в поезде, в очереди к врачу, в ресторане, на пляже, в кино, мало ли где – за эти двадцать с гаком лет. Темная линия ресниц, округлость лба и нежность щеки знакомы наизусть

с первого вдоха, мы с Соней «смежены блаженно и тепло» сквозь грудные ночи и дни, вечерние сказки и будильники с утра.

Вот сейчас она все еще со мной, а через секунду мы встанем, выкатим толстый чемодан в коридор и – бумс – следующий раз будет только в ноябре. Плохо ли ей без меня? Да нет же, все у нее в порядке, она знает, что под защитой, мы всегда на связи – спасибо мобильному телефону. И все равно. Так невыносимо жалко, что врозь проходит жизнь. И эти куски – до ноября, до марта, до рождества, до конца семестра – так и падают куда-то невозвратно. Материнская неумная тоска.

19.04.2019

Вот встанешь так утром прекрасного дня и почувствуешь счастье, потому что снаружи погода, птички, лаванда. Но главное счастье внутри: в шесть вечера прилетает Соня. Чтобы быть с нами на Пасху.

С трудом нашла белые яйца, объехав все известные магазины; белые остались только в упаковках по две дюжины. Ну и что, сказала себе я, мне нравится, когда в вазе много крашенных яиц, они все разноцветные и яркие. Раздадим соседям. Не будут брать – насильно раздадим. А может, они долежат до русской Пасхи. А после уж соседям раздадим.

Пожарила котлетки. Помыла пол. Купила фрезии – жел-

тенские – как Соня любит. Купила грейпфрут, как Соня любит. Нашла рецепт бискотти с миндалем.

Повесила новые полотенца ей в ванную – желтые, как яичный желток: так Соня любит. Пересадила ноготки и бархатцы в новый горшок. Села на диван отдохнуть перед бискотти. А тут сообщение от авиакомпании приходит: будет дождь, гроза, торнадо (кроме шуток), а потому рейс откладывается до 23:00. Ждите подтверждения. Ну и что, сказала себе я, ведь вполне может распогодиться еще. Но в горле засел острый шарик.

Начался дождь. Грохнуло. Мне говорят: может, отменим все, она приедет только среди ночи, а в воскресенье утром уже обратно. Ну и что, сказала себе я, это ничего. Шарик в горле попрос и заострился. Мне говорят: точно надо отменить, там будет бардак в аэропорту, аннулировали много рейсов, вряд ли она улетит. А может, повезет, сказала я. Шарик не дает дышать, и его, кажется, уже видно снаружи. Мне говорят: отменяй, смысла нет, зачем мучить ребенка. А если и вправду торнадо. Проклятье. Казнь египетская.

Отменили. Сейчас соберу осколки вазы из-под фрезии и примусь за бискотти, не пропадать же тесту.

17.05.2019

Едем в Бостон большим составом. Завтра будет вручение дипломов в Сонином университете. Семь лет назад мы уехали из Москвы, чтобы Соня проучилась старшие классы

в американской школе и чтобы здесь поступила в университет. Проект счастливо завершен. Мое сознание не очень принимает эти факты. Но у меня вообще медленное сознание. Знаю точно, что девочкой можем гордиться. Ну и гордимся уж.

Выпускная церемония – *graduation* – это долго, утомительно и скучно. Особенно если программа рассчитана на два дня. И оба дня дождь идет проливной, а церемония проходит на открытом стадионе. К тому же присутствуют Сонины дедушки, оба вне себя от гордости, и их надо возить, координировать, кормить, успокаивать, обнимать. И толпы народу везде, потому что Бостон – город-герой-город университетов, и у всех выпуск именно сегодня и завтра, потому и в аэропорту, и в гостиницах не протолкнуться. Да еще все рестораны забиты под завязку, а дедушек надо кормить своевременно, потому что у них список таблеток до, после и во время еды. Трафик на дорогах – не проехать, люди выходят из такси и бредут вдоль кампусов, и парадные туфли давно натирают, а в руках цветы и подарки. А если ваша девочка забыла дома студенческую шапочку? А если выпускной наряд не подходит к туфлям и надо купить новый вот прямо сейчас, за час до церемонии, а свежий маникюр еще не высох? Стараемся.

Но вот все дошли, доехали, добежали, не потеряли камеру с тремя объективами, дедушки напомажены и накормлены, родители тоже, кажется, живы. Расселись по местам. И вы-

ходят дети. Ну как дети, не очень-то и дети, это кого спросить. И воздух дрожит от волнения и радости. И профессора в смешных прикидах говорят речи. И микрофон сообщает: «София, бакалавр психологии», и выходит твоя малышка, вся взрослая, в кудрях и с кисточкой на шапке, берет красную папочку и что-то шепчет в ответ на поздравления. А ты вскакиваешь с места и орешь «Ура!», и слезы льются, и в груди пожар гордости и счастья.

16.01.2020

Сегодня Сонин день рождения. Как же мне повезло, что именно она у меня родилась, мы друг другу очень подходим. Мне это было понятно с первых дней ее жизни. Сегодня ей 23, я понимаю, что она взрослая совсем, но мое внутреннее ощущение, что она вот такая, как на фотографии двадцатилетней давности, с нежными кудрями, круглыми щечками и капризным ртом. Какое это счастье – дети. Особенно дочери.

Про друзей

Близнецы

Мы познакомились в пионерском лагере в Евпатории. Она была такой красавицей, какими бывают только принцессы из волшебных сказок: огромные голубые глаза в длинных ресницах, волосы до пояса, густые и блестящие. Ее звали Александра. Она пела, играла на пианино и бегала быстрее всех на физкультурной площадке. В нее сразу влюбился самый симпатичный мальчик в нашем отряде и уже не отходил от нее ни на шаг. А я была толстой, неуклюжей и никаким стандартам ГТО не соответствовала. На конкурсе красоты Саша выступала *в белом венчике из роз* и в длинном платье с кружевным шитьем. Я не помню, завершился ли конкурс Сашиной победой, но для меня она была самой прекрасной во всем лагере, а не только в нашем старшем отряде.

В Москву наш лагерь возвращался на поезде; все плакали, не хотели расставаться и обещали друг другу встречаться каждый месяц. Когда поезд подъехал к Курскому вокзалу и в окна уже начали заглядывать самые резвые из встречающих родителей, меня крепко сжал в объятиях мальчик Миша (или это был Костик – сейчас уже не помню), но я не пыталась разжать его руки, хотя в моей голове и пронес-

лась мысль, что если папа увидит, мне будет трудно с ним объясниться – вот как сильно я расчувствовалась.

Могу сразу сказать, что наши отрядные дружбы и любви распались почти мгновенно; мы организовали одну-единственную встречу, а в остальных не было необходимости. Какой еще верности можно ожидать от тринадцатилетних?

А вот с Сашей мы не расстались до сих пор. Как-то сама собой сложилась традиция: Саша приезжала ко мне домой раз в неделю или чаще, мы обедали, валялись на диване в моей комнате и разговаривали. Так мы довалялись до Сашиного дня рождения в декабре, и я впервые поехала к ней домой на праздник. Ее мама показалась мне очень похожей на мою, поэтому я даже не удивилась, что и звали их одинаково. Еще у Саши был младший брат, как и у меня. Короче говоря, мы с ней были как разделенные в младенчестве сестры, а мне всегда так не хватало сестры.

В новогодней открытке (мы писали друг другу открытки и письма и посылали их по почте, хотя и могли передать из рук в руки) я призналась ей, что она моя лучшая подруга. Написала и смутилась. Во-первых, тем самым я предавала свою старую школьную подругу, а во-вторых, решила, что Саша может удивиться моей неуместной любви, ведь мы знаем друг друга всего ничего: с прошлого лета. Сразу скажу, что все кончилось хорошо. Саша несколько не удивилась, наоборот, она сама написала мне то же признание в своей открытке. Открытка эта есть у меня до сих пор.

Без преувеличения могу сказать, что Саша – единственный человек, который знает обо мне все. Самые страшные секреты, стыдные истории, ужасные проступки и обманы. Саша покрывала мои преступления перед моими родителями. Саша приходила ко мне в больницу, когда я почти сломала себе шею, упав с лестницы. Она утирала мне слезы, когда меня бросил любимый в девятом классе. Она выслушивала мои бесконечные истории и рассказывала мне свои.

Именно с Сашей мы однажды промокли под дождем до нитки и шли босиком, держа на отлете бесполезные босоножки. При этом смеялись, как умалишенные. Я такую картинку видела только в кино, ну, еще Агутин потом спел, но это было гораздо позже. Когда мы пересекли поверху Садовое кольцо (переходы были залиты по уши) и ввинтились в станцию м. Белорусская, к нам подошел неизвестный дяденька, внимательно посмотрел на наши мокрые лица и спросил: «Вы че, сестры, штоли?» – мы синхронно ответили: «Да, мы близнецы!»

Саша старше меня на целый месяц с хвостиком. Каждый год в ее день рождения я спрашиваю: «Ну расскажи мне, как живется в твоём преклонном возрасте?» – и она всегда серьезно отвечает: «Вот поживешь с мое...»

Саша – мой золотой стандарт, моя совесть, мой драгоценный друг. Когда-нибудь мы снова поедem с ней в маленький город у моря и будем гулять, есть жареную рыбу, пить пузырчатое вино, рассказывать друг другу все тайны и обсуждать

наших внуков и правнуков, как и положено двум старым перенницам.

Фея Фира

Ц. В. М.

– А нравится ли вам этот кухонный шкаф? – слова произнеслись случайно. Я успела их подумать, но не собиралась говорить.

Дама, присевшая на стул рядом с громоздким, слоноподобным буфетом, ласково улыбнулась и ответила:

– Я так и подумала, что вы русская. Вы балерина? Впрочем, простите, это не мое дело, конечно. А шкаф-то – нет, не особенно нравится. Он какой-то беспородный, но зато большой, в него при необходимости можно поместить много посуды. Примерно человек на двести.

– Вы правы, у меня как раз эта мысль пронеслась, но я хотела получить подтверждение. И я слышала, что вы говорили по-русски с вашим спутником, вот и решилась спросить.

– Это мой сын. Боря, иди сюда, я хочу тебя кое с кем познакомить, – позвала дама.

Через дверной проем из соседнего зала, уставленного обеденными столами, вошел высокий симпатичный мужчина (моя бабушка Тамара про таких говорила «интересный молодой человек»), а с противоположной стороны возник мой муж.

– Борис, мой сын, – обратилась дама к нам.

Борис приблизился и пожал мою руку:

– Рад знакомству!

– Аня, Анна. И я рада, а это Алекс, мой муж.

– Добрый вечер, очень приятно.

– Меня зовут Эсфирь Михайловна, но здесь меня все называют Фира, так что как вам будет удобнее, меня оба варианта устраивают. Простите, что я не встаю, мне трудно стоять: бедро. Когда соберемся уходить, я уж тогда встану. Но пока Боря не осмотрит все столы, об этом нечего и мечтать, он очень основательный, – и Эсфирь опять улыбнулась и нежно посмотрела на сына. – Анечка, а вы садитесь. Или еще походите?

Я присела рядом на полосатую козетку:

– Пусть Алекс погуляет, посмотрит мебель, он тоже основательный.

– А что же вы тут ищете?

– Да все. Мы только что приехали в совершенно пустой дом. Пока у нас есть только кровать и стол из «Икеи», а все остальное надо покупать. Ну расскажите же, вы с мужем переехали из другого города или просто купили дом и обставляетесь?

– Да, мы переехали. Из Москвы. И сняли дом.

– Очень интересно. Так вы балерина?

– Да нет, не балерина, к сожалению. Я только что закончила институт. И еще не успела никем стать. Вот замуж только успела выйти, а больше ничего.

– Анечка, это же чудесное начало: у вас высшее образование, очаровательный муж, новая страна, новый дом. Вы можете делать буквально все, что захотите. Я поздравляю вас!

С Эсфирью Михайловной мы созвонились через несколько дней, чтобы обсудить, когда мы сможем встретиться на ужин в ресторане – вчетвером. Говорили долго. Она расспрашивала о нас и с удовольствием рассказывала о себе и о Боре.

Они москвичи, то есть бывшие москвичи. Уехали из Москвы в семидесятые, сразу после смерти Бориного отца. К тому времени Боря уже закончил медицинский и интернатуру. Эсфирь не хотела эмигрировать, но решила, что для Борьки будет лучше жить в Америке: отца уже не было, и особых связей не осталось, чтобы продвигать молодого хирурга по карьерной лестнице. «Ко всему прочему, Анечка, вы же понимаете, мы люди еврейского происхождения, а это предполагало разные осложнения. Борин отец был известным скрипачом, у него в знакомых было множество знаменитостей в Союзе и в мире, но все музыканты, не врачи. А он мечтал, чтобы Боря использовал весь свой потенциал в профессии врача. К тому же многие друзья отошли от нас, у них свои заботы и свои семьи, кому нужны чьи-то сын и жена, когда ответных услуг от них еще долго не дождешься. Правда, был один – самый близкий друг мужа, они были почти братьями, – который любил Борю как родного. Он очень известный человек, знаменитый альтист. Но, на беду, у него самого

были серьезные проблемы с советской властью, и он с семьей был выдворен из страны, обосновался здесь, в Вашингтоне. Именно с его легкой руки мы и отправились в эмиграцию. Он нам очень помог».

Я смотрела на нее во все глаза, достраивая картинку, читая между строк, подставляя имена и даты. Как же ей, должно быть, одиноко здесь, если она так охотно со мной общается. Фира ведь не говорила по-английски, совсем, кроме «зд-расьте-спасибо», она ничего и не могла сказать. Ну еще «ай лав ю».

Так у меня появилась подруга.

– Как ты думаешь, сколько ей лет, ну примерно? – спрашивал Алекс.

– Не знаю. Семьдесят? Если Боре хорошо за сорок, то ей где-то шестьдесят пять или шесть. Или что-то около.

Я называла ее Фира Михайловна, ей это, мне кажется, нравилось. Очень скоро я рассказала ей свою жизнь, что было, в общем, нетрудно. Мы довольно редко встречались, но по телефону говорили часто и подолгу. Однажды Фира пригласила нас в гости. Жили они в недалеком пригороде, в красивом доме рядом с Массачусетс-авеню. Фира Михайловна провела нас в гостиную и усадила в круглые замшевые кресла. В доме все блестело, сияло и пело. Не только классическая музыка из тихой колонки, а и вся мебель и убранство. На стенах много фотографий. Юный Боря в белом ха-

лате со стетоскопом, руки в карманах, на лице строгость. Боря во фраке у рояля, рядом два пожилых музыканта, скрипач и альтист, они уже расчехлили инструменты, но играть не начали, только разговаривают о чем-то смешном и приятном.

– Это Борин отец и наш друг, альтист, я вам рассказывала.

– Да-да, я его узнала.

В гостиную входит Боря, не во фраке, но в костюме с галстуком, несет бутылку с вином, разливает в четыре бокала. Фира говорит:

– Боря, может быть, Анечка не будет пить вино, надо же спросить у человека.

– Да, я не буду.

– Вы совсем не пьете вина?

– Я обычно пью, но пока мне нельзя

Фира улыбается мне и подмигивает:

– Еще месяцев семь нельзя, так ведь?

Я смотрю в изумлении:

– Откуда вы?.. Когда же я успела сказать?

– Ну что, разве все нужно говорить? Я сразу поняла, как вы в дверь вошли, у вас такое сияние на лице!

Однажды случилось ужасное. Алекс уехал в одну из своих военных командировок. Я так не хотела, чтоб он ехал, но отговаривать не стала, знала, что для него это важнее всего. Он любил свою работу именно из-за таких поездок. Тогда шла

война в Югославии, и Алекс должен был ехать на фронт, была его очередь освещать события из «горячих» точек. В такие командировки отправляли именно молодых бездетных журналистов. Учитывая, что у нас через три месяца должна была родиться дочь, это, скорее всего, была его последняя такая поездка. Он собрался за час, сказал, что уезжает максимум на неделю, и отбыл. Я даже не поехала в аэропорт, он настоял. Долетел до Белграда, сразу позвонил и обещал впредь звонить каждый день. Это обещание было совершенно выполнимо даже в те времена, когда мобильный телефон еще был редкостью, потому что военные корреспонденты возили с собой спутниковые телефоны для связи со штабом в любых условиях, из любой географической точки. Тогда они были огромные, как чемоданы. Я спокойно легла спать.

Алекс не позвонил ни завтра, ни послезавтра. Он просто пропал. В вашингтонском офисе не могли ничего сказать, настойчиво советовали не волноваться и обещали сообщить, как только будут новости. В парижском офисе тоже ничего не могли сказать, но связали меня с бюро в Белграде. А там я и узнала, что от Алекса никто ничего не слышал уже более суток.

Я засобиравшись в Белград. Звоню в авиалинии, чтобы купить билет, жду полчаса на холоде и слышу второй звонок. Это Фира звонит, потому что «ей что-то беспокойно». Она меня отговорила лететь немедленно, просила подождать до утра. Я согласилась, решила, что с утра первым делом по-

еду прямо в аэропорт и буду брать билет уже там. Глубокой ночью позвонил начальник Алекса и сообщил, что его нашли в хорватском военном госпитале. И что за ним уже полетели сотрудники из парижского офиса: им поближе. Я не отправилась в Хорватию только потому, что меня насильно удержала Фира, она сидела на моем новом диване и держала меня за руку. А Боря носился вокруг.

Алекс прибыл из Хорватии две недели спустя. Там он лежал в госпитале, в котором было три стены вместо четырех: одну разбомбили совсем недавно, месяца два назад. Операции там продолжали делать, используя самогон вместо анестезии. Вот и Алексу зашили дырки на лице и вставили на место ключицу, а когда он очнулся, увидел, что на него идет снег. Потолок тоже только частично уцелел. Из-под снега Алекса эвакуировали в парижскую больницу, где была настоящая операционная для ремонта повреждений второй очереди. Несмотря на французские каникулы, выходящий из самолета Алекс выглядел неважно. При ранении его лицо довольно сильно пострадало, уж не говоря о переломанных костях и гематомах по всему телу.

Последующие операции организовывал Боря, его друзья-хирурги все сделали на совесть. Особенно пластический хирург по имени Скотт. Фира инструктировала Борю: «Попроси скотá все сделать идеально, можешь угрожать, что если Анечке что-то не понравится, не видать ему больше никакого гефилте, ни сейчас, ни через год».

Скотт сам нашел меня на диванчике в постхирургическом отделении и отчитался, что все прошло успешно. Помедлил и добавил: «Сейчас, конечно, вам не к спеху, но телефончик мой не теряйте. Я лучший в этом городишке по восстановлению телесных форм, в том числе после грудного вскармливания. Скидочку вам сделаю».

Когда Алекс поправился, мы пригласили Фиру с Борисом на ужин. Фира явилась в длинном платье с кружевным воротником и в бриллиантовом колье. Мы усадили ее за стол по имени «Экидален» и угостили свекольным салатом и треской под имбирным соусом. Фира нахваливала мои яства и развлекала нас беседой. Указав на колье, она рассказала, что это единственное украшение, которое ей удалось привезти из Москвы. И то только потому, что пограничницы не заставили ее снять водолазку. Они тщательно перетряхнули чемоданы и коробки, даже потребовали, чтобы Фира прическу распустила: думали, что она в волосы драгоценности вплела. «Так и шла к самолету растрепанная, как колдунья, мне даже шпильки не вернули. Теперь я это колье при каждом удобном и неудобном случае надеваю, оно мне напоминает о счастливых случайностях».

Фира всегда меня хвалила; она хвалила всех и все: Бороных друзей и коллег, его невесту и ее родителей, их соседей, наших кошек, Алекса, погоду. Больше всех доставалось мне: «Анечка, в вашем лице Алекс выиграл миллион по трамвайному билету. Бывает же такое везение!»

– Фира Михайловна, вы всех любите, у вас всегда все хорошие и даже превосходные, как у вас это получается?

– Да ничего подобного! Просто я не говорю о тех, кто мне не нравится. Зачем заострять внимание на плохом?

Фира и Боря много путешествовали. То они ехали в Нью-Йорк на премьеру оперы («Боря обожает оперу. Если бы он не стал врачом, то посвятил бы себя музыке, у него ведь абсолютный слух!»). То уезжали в круиз по Карибскому бассейну («Мы обожаем океанские лайнеры, только в круизах люди до сих пор одеваются к ужину!»). То проводили январь во Флориде («Боря ненавидит холод, я так и не приучила его любить зиму!»).

Когда у нас родилась Катя, Фира прислала мне огромный букет и коробку швейцарских конфет, она помнила, что больше всего я люблю молочный шоколад. Мы стали реже видеться, но иногда говорили по телефону и обсуждали все на свете.

А через год Алексу предложили повышение с переводом в европейский офис; он больше не ездил в военные командировки и работал в основном в конторе. Я видела, что он заскучал и что ему нужны перемены. К тому же я была сыта по горло жизнью в Вашингтоне и с радостью согласилась на переезд. Фира огорчилась при известии о разлуке, но радовалась за меня: она знала, что мне очень хотелось оказаться поближе к Москве.

Я скучала по Фире. Мы порой созванивались, но реже,

чем в Вашингтоне. Боря продолжал повышать свою квалификацию врача-кардиолога и завоевывать новые награды и ученые степени. Я часто думала о Фире и все хотела поехать в Вашингтон только ради нее, тем более что она всегда меня приглашала. Мы бывали в Америке почти каждый год, чтобы навестить семью Алекса, но ни разу не доезжали до Фиры. Одним летом мы так спланировали поездку, чтобы уж обязательно оказаться в Вашингтоне.

Я позвонила Фире еще из Нью-Йорка, чтобы договориться, когда мы встретимся. Эсфирь Михайловна подошла к телефону, но говорила с трудом, очень тихо, и я все время переспрашивала. Мне даже казалось, что она не вполне понимает, что я здесь, на этой стороне океана, и что я еду в Вашингтон именно к ней. Наконец, мы попрощались, так и не договорившись ни о чем. Я решила, что позвоню, когда мы доедем до Вашингтона, мне не терпелось увидеться с Фирой и показать ей Катю, которой уже исполнилось 11 лет. Алекс меня утешал:

– Ну пожилой человек, старый даже, может, она неважно себя чувствует, выбрось из головы.

В Вашингтоне мы должны были встретиться с разными знакомыми и бывшими коллегами Алекса, к тому же мне хотелось показать Кате дом, где она родилась, ее детский сад и соборный парк, куда я привозила ее в коляске в ее первую зиму. Ни дом, ни собор, ни коллеги Алекса почти не изменились. Я светло погрустила по тем временам, когда мы жили

здесь: нам было что вспомнить. Единственное меня огорчало: Фирин телефон не отвечал. Боре я звонить не решалась; у меня оставалась надежда, что за эти пять дней я дозвонюсь им домой и к телефону подойдет Эсфирь Михайловна.

Фира позвонила мне сама, когда мы уже вернулись в Москву. Она сказала, что они с Борей были в отъезде, и она не знала, как со мной связаться. Я была очень рада, что с ней все нормально, я почти ожидала, что окажется, что она лежала в больнице или еще что-нибудь совсем ужасное. Через несколько месяцев я узнала от Бори, что именно тем летом Фира перенесла серьезную операцию на сердце, а меня угодзило ей позвонить как раз перед отъездом в госпиталь.

Несколько лет спустя мы вернулись в Вашингтон на жительство. Алексу предложили работу, от которой было неразумно отказываться, к тому же Катя могла закончить школу в Америке и поступать в американский университет; Алекс всегда этого хотел.

Мы опять стали встречаться с Фирой и Борей, не так часто, как в прошлом, но все же виделись. Мне даже казалось, что Эсфирь не очень изменилась, вот Боря постарел, а она все так же сияла глазами и носила тяжелый узел волос.

Один раз Фира позвонила мне и начала со странного:

– Я должна признаться вам, Анечка, что все не так уж ладно с моим здоровьем, хотя чего еще можно ожидать в 99 лет.

Я замерла. Не столько даже от того, что Фире почти 100 лет, это само по себе, разумеется, совершенно замеча-

тельно, а просто я ждала, что она скажет дальше по поводу здоровья.

– Только вчера я вернулась домой с очередного обследования в госпитале, вы же знаете, Боря мне покоя не дает с этими обследованиями, и врач сказал, что мне требуется операция на сердце, так что мы собираемся ехать в Бостон.

– В Бостон, ну почему же в Бостон, разве «Сибли» не лучший госпиталь в стране, или «Уолтер Рид»?

– Анечка, ну вы же знаете Борю, он совершенный упрямец, и кто его только воспитывал?

Фира засмеялась таким знакомым веселым смехом, что я почти успокоилась и стала говорить что-то радостное, что вот как только Боря привезет ее обратно и позволит нам с ней увидеться, мы немедленно приедем и привезем ей ее любимый коньяк и маленькие цветные каллы, которые она обожает. И что в этот-то раз у меня будет с собой диктофон и Фира расскажет мне, как они с Борей гуляли по Риму, ведь мы уже сто лет собираемся это сделать, чтобы мне было легко расшифровать запись, а не записывать под диктовку, но все время об этом забываем. Фира уже давно говорила, что хочет, чтобы я помогла ей записать кое-какие курьезные истории о ее жизни. Потом она поспрашивала о Кате, об Алексе, передала большой привет моим родителям, сказала, что я должна буду привезти к ним нашу собаку, потому что Боря в нее влюблен, и откланялась, пообещав позвонить мне сразу, как только этот тиран Боря даст ей в руки телефон

после операции.

Через три дня позвонил Боря и оставил сообщение. В нем говорилось, что Фира умерла, не выдержав операции. Ее не смогли вывести из наркоза. Хирурга Боря не винил: Фирин организм был совершенно изношен. Похороны послезавтра.

Я не успела приехать на прощание, потому что по случаю первого снега такси опоздало на пятнадцать минут, к тому же дорога заняла вдвое дольше обычного. Когда я добежала до могилы, толпа людей уже стояла кольцом вокруг закрытого гроба. Я так и не увидела ее в последний раз.

Когда все стали расходиться, я узнала многих в лицо. Здесь был врач-стоматолог Мартин, к которому Фира отправила меня лет пятнадцать назад («Он лучший в городе, Анечка, лечит и даже удаляет зубы совершенно безболезненно. К тому же он любитель оперы, будет петь арии и не даст вам заскучать!»). Здесь был пластический хирург, который собирал лицо Алекса после аварии («Так смешно, что больше всего на свете Скотт любит рыбу, хотя из-за имени ему положено обожать стейки, вы не находите?»), здесь были дирижер местного симфонического оркестра с супругой, здесь был известный русский пианист и многие, многие другие. Все плакали и говорили тихими голосами. Я подошла к Боре и впервые заметила, что он стал совсем седой. Я крепко обняла его и постояла так минуту. Потом подошли Бори-

ны друзья и повели его к машине. А мне все казалось, что я должна еще что-то сделать, и я ходила туда-сюда по центральной аллее кладбища. Многие останавливались и предлагали довезти меня до ресторана, где будут поминки, но я отказывалась. Я дождалась, когда все разъедутся, и вернулась к Фире, чтобы сказать ей на прощанье: «Ай лав ю».

Прохудившаяся лейка

Вика первой заметила течь. Она всегда все видит первой: такая у нее особенность зрения. Выходит, зря мы ездили за тонкой бумагой для декупажа и белой краской, чтобы приукрасить и вписать в садовый ансамбль старую большеротую лейку. Сброд глиняных горшков, укрытых цветной пеной анютиных глазок, нежной лавандой и душистым розмарином, не принимал в свои ряды жестяную приземистую лейку, оставленную прежними хозяевами в придачу к битым совкам, кривоватым грабелькам и ржавому секатору с тугой пружиной. Все это наследство, по лени не прибранное в сарай, уж несколько лет дожидалось бесславного конца.

Лейку же было решено отмыть, перекрасить в белый, чтобы выгодно подчеркнуть аппликацию цвета индиго, и покрыть антипогодным лаком.

– Теперь ты сможешь поливать свои сорняки из хорошенькой леечки и не волочить за собой тяжелый шланг, – сказала Вика.

Когда лейку оторвали от влажного насиженного круга, оказалось, что в двух местах лейкино днище отстает от туловища, и операция по спасению вряд ли имеет смысл; легче новую купить. Лейку придется снести в сарай, а еще лучше – сразу на помойку, по вторникам, кажется, приезжает грузовичок за железным ломом.

Наутро мы вышли на террасу и сели пить кофе, пока не очень жарко и сад свеж и благоухает. Одновременно взглянули на лейку, обреченно ожидавшую вторника у задней калитки. Синхронно вздохнув, мы разошлись по делам: надо было отыскать жесткую щетку, которая дочиста ототрет шершавые лейкины бока, кисточки для краски и аэрозоль с ядовитым декупажным лаком. Жестяная простушка будет выступать в новом амплуа: наполнив лейку свежим грунтом, я посею в ней базилик. Простой зеленый, тайский фиолетовый и индийский туласи. Вика утверждает, что именно он угоден несравненной Лакшми.

Человек без шляпы

Лекарство от головной боли? Шляпа. Федора с узкими полями, подаренная ей в тот день, когда они прощались надолго, если не навсегда. Если совсем честно, то не подаренной, а отданной в обмен на кепку, которую он поначалу даже не хотел брать, но быстро сдался, не желая ее расстраивать. О необычных свойствах шляпы тогда ни он, ни она не подозревали, это потом уж случайно узналось.

А шляпа была самая простая, в тонкую клетку, с репсовой лентой, основной цвет – серый. Странно было, что такой головной убор носил вполне серьезный молодой человек, сотрудник приличного новостного агентства. Тем более, что носил он его по Москве начала 90-х годов XX века. Впрочем, этому молодому человеку много чего сходило с рук. Он был неброско красив, броско насмешлив и довольно состоятелен. За добычу экстремальных новостей в экстремальных условиях платили неплохо, даже по западным меркам. К тому же он был американец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.